

Этнический компонент кризиса Европы*

На примере ФРГ

Игорь Максимычев

В кризисные периоды, особенно при такой их интенсивности, как в ходе нынешнего глобального многоступенчатого финансового кризиса, довольно четко прослеживается, что есть государства, чья политика определяет лицо мира, в котором мы живем. Их не так много. Среди них США, Китай, Индия, в растущей степени Бразилия. В Европе это прежде всего Германия и Россия, связанные между собой тысячами нитей совместной истории.

Участие каждой из перечисленных держав в формировании международного климата абсолютно необходимо для обеспечения хотя бы минимальной предсказуемости развития событий в глобальном масштабе.

Для русских всегда было очень важно, что делают немцы, о чем они думают, чем дышат. Взаимное прошлое наших народов не всегда было безоблачным и идиллическим. В XX в. они противостояли друг другу в военных конфликтах невиданной ранее разрушительности. Материальные и психологические последствия Второй мировой войны оба народа не преодолели полностью до сих пор. Но сегодня русские и немцы едины в том, что в Европе и мире должен достаточно внятно звучать голос и России, и Германии – по возможности не вразнобой. Я уверен, что большинство немцев испытали бы крайнее беспокойство, если бы вдруг не стало современной России – ведь в этом случае исчез бы столь необходимый противовес, своего рода «окорот» для единственной оставшейся в мире сверхдержавы. И я не сомневаюсь в

МАКСИМЫЧЕВ Игорь Федорович – доктор политических наук, посланник в отставке, главный научный сотрудник Института Европы РАН. E-mail: igormaxim@mtu-net.ru

Ключевые слова: Россия, Германия, государствообразующая нация, демография, автотонное население, этнический кризис.

* Тезисы выступления на международной российско-германской научно-исторической конференции «Россия и Германия в Европе и мире. Пути сотрудничества и вызовы современности», проведенной Институтом Европы РАН и обществом Россия – Германия 12 октября 2011 г. в Москве.

том, что очень многие русские пришли бы в уныние, если бы Германия перестала быть Германией в том виде, как она сейчас существует; мои сограждане инстинктивно чувствуют, что здоровый центр Европы совершенно обязателен для стабильности континента. Эта глубинная взаимосвязь, точнее цивилизационная взаимозависимость, гораздо надежнее обеспечивает солидарность действий обоих государств на международной арене, чем все соображения политического или экономического характера, которые, несомненно, по-прежнему играют важную роль в процессе сближения позиций правительств наших стран по проблемам, сотрясающим мир*.

Начиная с последней четверти прошлого века трансформационные процессы в мировом сообществе вновь приобрели широчайший размах и скоротечность. Сильно ошибся бы тот, кто стал бы полагать, что дезинтеграция СССР была изолированным и неповторимым эпизодом мировой истории. Во многом в основе распада многонационального Советского Союза лежали этнические факторы. Эти же факторы едва не привели в начале 90-х годов к распаду России. Но сегодня мы не можем не ощущать назревающего этнического кризиса и в традиционно мононациональных государствах. Множатся признаки того, что в них начинается расщепление государствообразующих наций по региональному признаку, и одновременно в нарастающем темпе идет замещение автохтонного населения «пришлыми людьми» иной культуры. На этом фоне учащаются мрачные пророчества о предстоящем закате ведущих стран Европы, по сравнению с которыми бледнеют катастрофические прогнозы Освальда Шпенглера, сделанные им под впечатлением Первой мировой войны.

Германия складывалась исторически в основном как моноэтническое государ-

ство немцев, активно ассимилирующее вкрапления иных этносов. Так, значительная польская прослойка, возникшая в Пруссии в результате включения в ее состав польских территорий после разделов Польши, очень скоро онемечилась настолько, что только звучащие не по-немецки фамилии футболистов напоминают об этом. Переселение этнических немцев в Германию во время Второй мировой войны и после 1945 г. усилило национальную однородность населения страны. Объединение Германии в 1991 г. воспрепятствовало начинавшему расколу нации на «западников» и «восточников», хотя определенные трудности во взаимоотношениях «весси» и «осси» сохраняются до сих пор. Остались две небольшие по численности группы германских граждан, сохранивших в какой-то степени немецкую самобытность: этнические датчане в Шлезвиг-Гольштейнии и сорбы (полабские сербы) в Бранденбурге и Саксонии. Их статус определен в договорном или законодательном порядке. Датскоговорящее меньшинство в Западной Германии находится в более привилегированном положении, чем сорбы в восточной части страны, но в целом серьезных проблем в обоих случаях не возникает.

* Директор Института Европы РАН академик Н.П.Шмелев, открывая конференцию, высказал сожаление, что в XX в. был упущен шанс для реализации синтетической российско-германской культуры, которая складывалась на протяжении предшествующих веков. Цивилизационная взаимозависимость России и Германии по-прежнему представляет собой основу движения в указанном направлении.

Проблемы возникли совсем по другому поводу. Вследствие послевоенных иммиграционных процессов в Германии сложился значительный слой людей, не связанных с остальным населением ни культурной общностью (как правило, это приехавшие в поисках работы люди иных культурных традиций и другого вероисповедания, а также их родственники), ни благодарностью за предоставленное убежище (на родине они не подвергались преследованиям). Стремительный рост численности этого слоя вызывает тревожные прогнозы демографов. Общественность по большей части не принимает их беспокойства всерьез, рассматривая пессимистические предсказания как интеллектуальные игры любителей саморекламы.

Приводимые доказательства убеждают не всех, им веры меньше, чем алармистской аргументации сторонников довольно спорной теории губительного потепления климата Земли.

Выдвинутый несколько лет назад видным деятелем ХДС Фридрихом Мерцем тезис о «ведущей (главной) культуре» (*Leitkultur*), которой должна стать немецкая культура для всех лиц, приезжающих в Германию на постоянное жительство, не встретил достаточной поддержки со стороны общественности и не получил законодательного закрепления.

Но вот в середине 2010 г. на прилавки книжных магазинов ФРГ легла публикация, означавшая переход от политического эпатажа и популистских лозунгов к рассмотрению проблемы по существу. Речь идет о книге Тило Саррацина «Германия самоликвидируется»¹, которая за истекший год стала в ФРГ беспспорным бестселлером. Ей по праву принадлежит рекорд в послевоенной немецкой истории – на сегодняшний день продано более 1,3 млн экз. Теперь

каждый желающий может ознакомиться с исчерпывающим анализом всех аспектов этнического перерождения, угрожающего конкретно Германии, исследованием, до предела наполненным статистическими и иными фактическими материалами, от которых не так легко отмахнуться.

Имя автора публикации давно известно в Германии и за ее пределами как серьезного политика и экономиста (в 2002–2009 гг. он занимал пост берлинского сенатора по финансовым вопросам, успешно справляясь со сложными проблемами, которые приходится решать городскому правительству). Мне кажется, что я неплохо знаю Германию, и то, о чем пишет Саррацин, во многом совпадает с моими наблюдениями. Должен признаться, что книга Саррацина произвела на меня глубокое впечатление, хотя там нет ни захватывающего сюжета, ни занимательных поворотов в изложении материала, ни сенсационных открытий.

Избранная Саррацином манера повествования является намеренно сухой и приближенной к стилю научных публикаций, которые могут быть сочтены интересными лишь узким кругом специалистов, способных оценить содержание даже при тяжелой для восприятия форме. Неподготовленного читателя может отпугнуть приведенное в книге огромное количество цифровых таблиц и графических схем, отображающих результаты статистических исследований и опросов, проведенных независимыми специализированными институтами и организациями, объективность которых не вызывает сомнения. Обилие статистических данных у Саррацина призвано доказать, что сделанные им пугающие выводы, сразу вызвавшие в ФРГ ожесточенную полемику, основываются на сегодняшних германских реалиях.

Переполюх, вызванный книгой Саррацина, объясняется в первую голову тем, что он предпринял попытку вырваться из заколдованного круга четырехлетних законодательных периодов и заглянуть в будущее, отстоящее от нас на 50–100 лет. При этом он пошел на нарушение утвердившихся в германском обществе идеологических догм и требований так называемой политкорректности. Саррацин не довольствовался тем, что со всей резкостью поставил проблему сокращения численности немецкого населения; это является общеизвестным фактом, который до сих пор не вызывал панической реакции общественности. Саррацин обострил тему, указав на то, что помимо **количественного** ухудшения демографических показателей налицо также **качественная** деградация поколений, идущих на смену нынешним. Анализируя причины качественного сбоя, он обвинил в нем популистское использование политическими элитами страны требования равенства. Для Саррацина неважно, что на практике принцип всеобщего равенства не может соблюдаться и не соблюдается на все сто процентов. Однако уже одного теоретического провозглашения равенства достаточно, по его мнению, чтобы подорвать шансы сохранения высокообразованного элитарного слоя, столь необходимого Германии для удержания одного из ведущих мест в мире.

Саррацин утверждает, что настаивать на том, чтобы все учащиеся получали равное образование, означает идти на снижение уровня подготовки специалистов в образовательной системе в целом. (Не секрет, что грубая действительность подтверждает правильность этого тезиса не только для Германии.) Он считает, что обеспечить равно высокий уровень квалификации для всех выпускников учебных заведений невозможно как по финансовым причинам, так и

вследствие различий в способности учащихся усваивать необходимый объем знаний. Этот последний момент вызвал особенно резкие нападки сторонников эгалитарного подхода к организации образования.

При обосновании тезиса о неравных способностях подрастающего поколения усваивать знания Саррацин ссылается на то, что молодежь неоднородна по своему образовательному потенциалу. По его мнению, различия в степени одаренности детей (*IQ* – коэффициент интеллекта) определяются прежде всего уровнем образования их родителей. У образованных родителей дети быстрее и легче усваивают преподаваемый материал, больше читают и стремятся расширить горизонты своих знаний. У детей из «малообразованных» слоев населения меньше тяги к тому, чтобы хорошо учиться; к тому же в этих слоях часто вообще отсутствует заинтересованность в учебе. Трагедия заключается в том, что, по наблюдениям Саррацина, с каждым годом степень талантливости поколений вступающих в жизнь молодых людей в целом снижается, поскольку возрастает доля «малообразованных» семей в общей массе населения.

Помимо разницы в «прирожденных» исходных данных Саррацин различает также разнонаправленность воздействия определенных социальных факторов на развитие способности молодых людей успешно учиться. Лишь дети из «средних» и «верхних» слоев населения в состоянии добиться максимальных успехов в образовательном процессе, в частности, потому, что они берут пример с позитивной жизненной позиции родителей. Приводимые Саррацином статистические данные показывают, что дети из «нижних» слоев, как правило, не прилагают достаточных усилий для того, чтобы достичь вершин

образования. В то же время налицо увеличение доли «нижних» слоев в социальном составе населения. Саррацин признает, что бывают исключения: таланты могут появляться и в «неперспективных» группах молодежи; механизмы для продвижения этих талантов нужны. Однако в целом тенденция к сокращению числа детей в семьях «средних» и «верхних» слоев и увеличению количества детей в семьях «нижнего» слоя приводит к тому, что убыль населения Германии сопровождается снижением ранее очень высокого уровня подготовки подрастающей смены.

Это неблагоприятное развитие усугубляется, по Саррацину, все более сильным негативным влиянием на ситуацию «иммигрантского фона» вследствие увеличения числа молодых людей, являющихся детьми или внуками въехавших в страну иностранцев. Саррацин не против иммиграции как таковой. Он считает ее полезной, если в Германию приезжают подготовленные люди, достигшие уровня владельцев «зеленой карточки». Он восхищается иммигрантами из Юго-Восточной и Южной Азии (в частности китайцами, вьетнамцами и индийцами), которые невероятно трудоспособны и неудержимо тянутся к знаниям. Однако число квалифицированных иммигрантов из этих регионов для ФРГ невелико – их, как правило, «перехватывают» США. В отношении же иммиграции из арабского мира и Африки, особенно если иммигранты оттуда исповедуют ислам, Саррацин не скрывает самого черного пессимизма. Он предвидит «превращение в кратчайшее время автохтонных немцев в меньшинство в стране с мусульманским большинством населения преимущественно турецкого, арабского и африканского происхождения»¹. И приводит мнение политолога Хервига Бирга, считающего, что грядущие поколения расценят происходящий в насто-

ящее время «демографический упадок Германии (и Европы) как предзнаменование ухода нашей страны из ее тысячелетней истории»¹.

Именно этот момент стал толковаться как доказательство антитурецкой и антиисламской направленности книги Саррацина, что вызвало острую реакцию в германской общественности – от бурного возмущения блюстителей политкорректности до восторга крайне правых партий и близких к ним кругов. Представлена также вся гамма чувств между этими противоположностями.

Предвидя такой эффект, Саррацин постарался как можно более убедительно обосновать свою мрачную оценку влияния, которое оказывает на перспективы демографического развития Германии непрерывно растущий контингент мусульман внутри страны. Он отталкивается от опыта, накопленного им в ходе политической карьеры, которая была связана с Западным Берлином, выделяющимся высокой концентрацией выходцев из Турции (Берлин является одним из самых значительных турецких центров в Западной Европе). Именно в этом городе еще до объединения Германии возникли сплошь заселенные турками кварталы, где почти нет вывесок на немецком языке и не слышно немецкой речи. Объединение не снизило тенденции к росту турецких ареалов и увеличению степени их населенности не только в Берлине, но и в ряде других крупных городов ФРГ Гамбурге, Бремене, Франкфурте-на-Майне. Скорее наоборот. Этот рост происходит за счет высокой рождаемости в турецких семьях, а также приезда родственников из Турции, что допускается действующим законодательством ФРГ. По приводимым Саррацином данным, турецкая прослойка быстро растет, в то время как численность немецкого автохтонного

населения стремительно сокращается.

Саррацин считает, что в случае с турецкими иммигрантами объединяются все факторы, негативно сказывающиеся на демографической обстановке в Германии.

Во-первых, приезжие турки принадлежат, как правило, к «низшему» слою и не стремятся «выбиться в люди». Большинство из них считает излишним тратить силы для того, чтобы работать и приобретать квалификацию. Они ориентируются в основном на выплачиваемые в ФРГ социальные пособия, которые в совокупности обеспечивают им значительно более высокий жизненный уровень, чем тот, на который они могли бы рассчитывать в Турции. Турецкие дети идут по стопам родителей; исключения из этого правила есть, но их мало.

Во-вторых, в отличие от переселяющихся в Германию представителей других этнических групп, которых уже через одно-два поколения нельзя отличить от немцев ни по языку, ни по образу жизни, турки с трудом поддаются ассимиляции. Они не учат немецкий язык, отправляют детей на учебу в Турцию, выписывают для своих сыновей жен из страны происхождения, настаивают на праве и обязанности турецких женщин носить повсюду головной платок (хиджаб), требуют, чтобы преподавание в немецких школах, где учатся их дети, велось (хотя бы частично) на турецком языке и были уроки Корана. Нередки случаи избиения школьников, правильно говорящих по-немецки, в том числе этнических немцев. В Берлине бывали в ночное время нападения на пассажиров-немцев в метро.

В-третьих, женщины в турецких семьях не работают и исправно рожают детей. Система немецких пособий многодетным семьям такова, что родителям выгодно, чтобы детей было как можно больше – часть «детских денег» они спо-

койно тратят на свои нужды.

Эта своеобразная ситуация цементируется огромной ролью, которую для иммигрантов из Турции играет ислам, считает Саррацин. Он утверждает, что исламу чуждо уважительное отношение к труду, которое воспитывается христианской, особенно протестантской этикой. Ислам подталкивает к обособлению от «неверных», препятствуя таким образом интеграции исповедующих его приезжих в общественные отношения, профильные для той страны, в которой они теперь живут. Подчиненное положение женщины в мусульманских семьях – одно из наиболее убедительных проявлений «отсталости» многих разновидностей ислама как религиозной идеологии, на каком-то историческом этапе остановившейся в своем развитии. Совершаемые правоверными мусульманами убийства, продиктованные их средневековыми понятиями о «чести», уже не редкость для Германии. Христианская цивилизация на Западе давно преодолела те трудности и тупики, с которыми до сих пор не может справиться ислам. С тем большим упорством он отстаивает свое превосходство в споре с христианством. Саррацин убежден: христианство и ислам в Европе – это не возникновение синтетической культуры или «мультикультурализма», а конфликт цивилизаций, требующий серьезного отношения к себе.

Страхи Саррацина концентрируются в его предсказании: «Германия умрет без взрыва. Она тихо испустит дух вместе со своей немецкой сущностью и с демографически обусловленным истощением интеллектуального потенциала. Немецкая сущность все больше разжижается, интеллектуальный потенциал разжижается еще быстрее. Кто через столет будет знать [стихотворение Гете] «Ночная песнь странника»? Не изучающие же Коран мусульмане из соседней мечети!»¹

В заключение своей книги Саррацин попытался сконструировать варианты будущего для Германии на ближайшие сто лет. В первом варианте, который он квалифицирует как «кошмар», иммиграционная политика развивается в том же направлении, что и до сих пор. В этом случае страна очень скоро станет неузнаваемой. Немецкий язык потеряет статус государственного: языком преподавания в школах станет родной турецкий или арабский, а в качестве второго языка учащимся будет предлагаться на выбор английский, немецкий, французский, турецкий или арабский языки на равных основаниях. Зато, замечает Саррацин, «в 2100 г. критически настроенный историк сможет, оглядываясь назад, с удовлетворением констатировать, что Германия решила свои демографические проблемы образцово и правильно с точки зрения мультикультуризма. Правда, при этом Федеративная Республика по своему жизненному уровню далеко отстала от Китая, и Индия также обогнала Германию по доходам на душу населения, но миру был дан пример, как указанные проблемы можно решать мирным образом»¹.

Второй вариант (альтернатива) предусматривает коренные реформы, включающие ужесточение правил выдачи разрешения на въезд и пребывание в Германии. В частности, от въезжающих жестко потребуются обязательное знание немецкого языка; будет также введено правило, что вновь прибывшие лишаются права претендовать на государственные социальные пособия в течение 10 лет. Параллельно Саррацин предлагает систему мер по стимулированию увеличения рождаемости в немецких семьях «среднего» и «высшего» слоев населения. В этом случае он предсказывает: «В классических иммигрантских районах встречается все меньше женщин с платками на головах. Одной

из причин этого является сокращение числа проживающих там людей. Начиная с 2040 г. все реже случаи приезда родственников, все заметнее отсутствие беженцев, рассчитывающих на социальные пособия, и продолжающийся отъезд тех, кто преуспел. Иммигрантские кварталы больших городов съеживаются, и все реже приходится слышать турецкую и арабскую речь на улицах»¹.

Книга Саррацина была встречена в штывы политиками и СМИ ФРГ. Он был обвинен в разжигании межнациональной и межконфессиональной розни. От него потребовали немедленной отставки с поста члена правления Федерального банка ФРГ, на который он был избран совсем недавно (он немедленно подал в отставку). Дисциплинарная комиссия СДПГ приступила к рассмотрению вопроса об исключении Саррацина из рядов социал-демократов за расхождения, как сказали бы в 30-е годы, с «генеральной линией» партии. Правящий бургомистр Берлина Клаус Воверайт (СДПГ) опубликовал книгу «Мужество добиться интеграции», в которой оспариваются основные тезисы Саррацина (Воверайт утверждает, в частности, что основная масса иммигрантов успешно интегрировалась и имеются лишь редкие исключения).

Однако лишить Саррацина партбилета социал-демократы не решились, ограничившись порицанием. Многие политологи считают, что отказ от преследования человека, с мнением которого согласны широкие слои общества, позволил СДПГ одержать очень важную для нее победу на недавних муниципальных выборах в Берлине. Опубликованные в октябре свежие официальные статистические данные подтвердили, что происхождение каждого пятого из проживающих ныне в ФРГ людей связано с заграницей; главным образом это турки. В условиях кризиса нищета гро-

зит каждому четвертому из имеющих «иммиграционный фон», в то время как для коренных немцев этот риск вдвое меньше – он навис лишь над каждым восьмым. Через год после выхода своей книги в свет Саррацин в сопровождении журналистов посетил берлинский район Кройцберг, который давно известен как один из турецких центров города. Турецкий персонал кройцбергских рестораничков отказался его обслуживать. Из них никто не читал его книги, но все знали, что он «враг турок».

Не берусь судить, насколько приемлемы и эффективны рекомендуемые Саррацином шаги по выправлению демографической ситуации в Германии. Считаю также неуместным вступать в спор по поводу его тезисов. Делать это должны немецкие политики, юристы, социологи и демографы – причем по существу, а не в порядке ошельмования решившегося «вложить персты в раны» человека, как это по большей части происходит до сих пор. Вмешательство со стороны в решение таких деликатных проблем – пусть даже только в форме советов, которых не просили, – вещь пустая, а иногда и опасная. Боюсь только, что автор не очень далек от истины, когда говорит: «Если мы станем просто продолжать жить, как до сих пор, каждое поколение немцев будет на треть меньше, чем предыдущее, причем особенно сильной будет убыль в образованных слоях населения. Возникающие прорехи мы заполняем крестьянами из Анатолии, палестинскими беженцами из районов военных действий и поколениями беженцев из Сахельской зоны» (S. 393).

Саррацин, как и другие западноберлинцы, минимум на 50% «осси». Поэтому у него остро развито предчувствие опасности исчезновения того, что до сих пор воспринималось как нечто вечное. На глазах его поколения практически

мгновенно кануло в небытие восточногерманское государство, которое очень многими считалось незыблемым фактором международных отношений в Европе. За ГДР последовала Югославия, затем вторая по значимости сверхдержава – СССР. Кто может поручиться, что колесница Джаггернаута остановится на этом?

Явления, о которых говорит Саррацин, типичны не только для германской ситуации. Похожие явления наблюдаются и в других европейских странах. Пылающие автомобили на улицах Парижа и Лондона, схватки молодежи из иммигрантских кварталов с полицией, «противоиммигрантские» барьеры на границах внутри шенгенской зоны – признаки нарастающего неблагополучия, грозящего вылиться в крупные неприятности. Не все в порядке с демографией и у нас. Неслучайно в России стал широко употребляться термин «гастарбайтер» (*Gastarbeiter*), придуманный в свое время в Западной Германии для обозначения импортируемой из Турции рабочей силы.

Недавно достоянием гласности стал официальный прогноз, согласно которому до 2025 г. численность трудоспособного населения России уменьшится на 10 млн чел., что обострит уже существующий дефицит квалифицированных кадров, прежде всего среднего звена. Также из официальных источников известно, что в детских садах и школах Москвы насчитывается 28 тыс. детей иммигрантов, причем 15 тыс. из них не знают русского языка. В некоторых московских школах доля детей иммигрантов составляет 12% – и это в условиях, когда у работающих в России «гастеров» дети, как правило, остаются на родине. В правительстве обсуждается введение в школах института тьюторов (наставников) для обучения детей иммигрантов русскому языку.

Сравнивать напрямую этническую ситуацию в Германии и России невозможно – слишком различны история обеих стран и генезис вызывающих тревогу проблем.

Россия накопила вековой опыт совместного существования и сотрудничества с исламом, который отнюдь не тождественен воинствующему исламизму. И хотя Россия первой столкнулась с феноменом массового исламистского террора, он является для нее точно таким же «импортным товаром», как и для большинства других страдающих от него стран.

Террористические акты в США, Лондоне и Мадриде равным образом происходили под идеологическим прикрытием лозунгов «наказания» иноверцев и распространения ислама по всему земному шару. Германская полиция не устанет повторять предостережения по поводу возможных терактов в ФРГ. То, что

планы террористов на немецкой земле до сих пор удавалось срывать, объясняется эффективностью германской полиции, а не «симпатиями» исламистов к немцам.

Вмешательство Запада в события «арабской весны», вылившееся в практическое оказание поддержки воинствующему исламизму, – это удар в спину миролюбивому исламу. Одновременно такая западная политика граничит с подготовкой к самоубийству. Германия проявила в вопросе об «арабской весне» разумную осмотрительность, за что подверглась нападкам со стороны «вечно вчерашних», которые никак не могут преодолеть синдромы холодной войны. Но ей еще предстоит найти пути к конструктивному диалогу с исламом внутри и вовне страны. И этот путь Германия должна пройти самостоятельно, хотя мы не собираемся скрывать наш опыт от кого бы то ни было.

Решение проблем взаимоотношений с исламом не может быть идентичным для Германии и России. Но кое-чему мы можем все же научиться друг у друга. Прежде всего нужен отказ от близорукой самоуспокоенности. Надо слезть с профессорской кафедры и перестать поучать партнера, занятого поиском практических путей к преодолению сегодняшних трудностей, грозящих смертельными опасностями уже в ближайшем будущем. Нельзя продолжать игнорировать неприятные истины только потому, что они вступают в противоречие с политкорректностью, как ее сегодня понимают влиятельные государственные деятели и журналисты.

В одном из интервью в августе 2011 г. Саррацин, которого меньше всего можно упрекнуть в сентиментальности, заявил: «Германия – это земной рай, созданный руками человека. Но то, что создано руками человека, может быть руками человека и разрушено». Подобный исход стал бы тяжелейшей катастрофой не только для немцев, но и для русских, для всей Европы. Эту катастрофу надо суметь предотвратить. Время не ждет.

Примечания

¹ *Sarrazin Th. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. Munch.* 2010. S. 360, 372, 393, 404, 407.